

Гера Фотич

Умереть в раю

роман

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2013

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Гера Фотич Умереть в раю

Фотич Г.

Ф74 Умереть в раю. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2013. — 304 с.

Если ты покинул свой очаг, значит ищешь помощи или спасения! Иначе зачем уходить из родной деревни, где живет твоя семья, где тебя любят и желают добра? (Индийская поговорка)

УДК 82.31
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-00025-009-9

© Гера Фотич, 2013
© ИТД «Скифия», 2013

Все отзывы можно оставить на сайте автора:
www.GeraFotich.ru

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

*С любовью и благодарностью
моим американским родственникам.*

***Россия — вечная моя любовь и печаль!
Страна помеченных обочин,
что становятся папертью...***

ГЛАВА 1. ПРИЛЕТ

Это было окончание многочасового изнурительного перелета. Осталось позади блуждание по многочисленным залам с блестящими полами, похожими на мраморные столешницы бильярдных столов, где люди, словно шары, толкаемые необходимостью, закатывались в лузы турникетов.

Недолгая скученность и новое пространство. Ближе к долгожданной свободе после бестолкового пребывания в бесконечных прозрачных лабиринтах очередного аэропорта.

Полицейский с окаменевшим в своей сосредоточенности лицом погрозил Василию пальцем и указал им же на проход, где скопилась очередь из дюжины человек.

Он был невысокого роста, без лишней полноты, что не предполагало возможности грубого наезда массой тела, как это представляли многочисленные боевики с участием американских копов.

«Почему я должен идти туда, если рядом есть совершенно пустые проходы между тумб, где сидят такие же болванчики, как этот, и о чем-то мило беседуют между собой?» — подумал Василий. Сделал вид, что не увидел жеста стража порядка. Начал

вертеть головой, словно пытаюсь сориентироваться в незнакомой обстановке. Как бы ненароком оказался у арки металлодетектора, где прибывшие не задерживались.

Полицейский снова, молча, повторил свой жест и, прижав правую руку к кобуре с торчащей рукояткой пистолета, сделал шаг навстречу.

Теперь движение выглядело угрожающим. Не под стать хищному орлу, высматривающему жертву с блестящей кокарды фуражки копа. Просто в машинальности его движений, выдержанной конкретности жестов, аскетичной мимике сквозило нечто механическое. Похожее на манипуляции робота, который неумолимо будет делать то, на что запрограммирован. Как хлебoreзка, опускающая свои острые крутящиеся ножи через равные промежутки времени на поставленную в лоток булку и отделяющая кусок за куском. Точно так же она с тупым безразличием отрежет неосторожно оставленный на запеченной корочке ваш палец, залив все вокруг липкой кровью. И будет продолжать резать дальше без какого-либо сожаления о случившемся.

Василий не стал больше испытывать судьбу и вернулся в указанную очередь. Теперь он был уже примерно пятнадцатым. С завистью смотрел, как подошедшие позже него беспрепятственно катились, не задевая бортов, в последний накопитель мимо стойки, где он безуспешно пытался проскользнуть.

Это было непонятно и унижительно.

С чувством неравенства и ущемленного самолюбия, все более возрастающим ощущением расовой дискриминации, переходящей в ненависть, он продвигался в очереди навстречу полицейскому. И оказавшись напротив, получил еще один бланк

для заполнения. Краем глаза увидел, что свободно проходили только граждане с синими паспортами. Осознав необходимость соблюдения новой формальности, смиряя внутренний протест, все же не выдержал. Для собственного оправдания чуть слышно пробурчал:

— Сколько можно их заполнять?

Взяв бланк, мельком взглянул на стража порядка, ожидая увидеть насмешку презрения к глупому чужестранцу. Но тот едва улыбнулся, добродушно раздвинув в стороны плотно сжатые губы, выявив сеть морщинок в уголках глаз, обозначив кокетливые ямочки на щеках.

И от этого чужого ехидства, без какого-либо превосходства, а с сочувствием и пониманием к замученному долгим перелетом пассажиру, вся ненависть, копимая Василием в этой пресловутой очереди, переросла в благодарность.

Он ощутил восторг от профессионализма стража порядка, отточенной продуманности действий, выражения лица в заранее прогнозируемой ситуации.

Василий представил скрывающийся за данным поведением огромный опыт, совершенствуемый столетиями. Выстраиваемую и принятую модель, куда его, отставного полковника российской милиции, сейчас воткнули как новобранца. Словно кусок теста в заготовленную форму, дающую возможность выпекаться только в соответствии с одобваримой и принятой в этой стране нормой...

— Привет, дед! — услышал он позади себя веселый голос и почувствовал, как легкая ладонь коснулась плеча.

Обернулся и увидел знакомых парней, рядом с которыми сидел в самолете. Успел с ними поболтать.

Они уже переоделись в футболки и шорты. Неожиданным образом были трезвы, словно не опорожнили за перелет литровую бутылку «Чиваса». Как ни в чем не бывало, стояли, бодро потряхивая исписанными листочками, словно пионеры в очереди на прививку.

— Давайте помогу заполнить! — сказал Сергей, улыбаясь.

Это был черноволосый парень лет тридцати с фигурой баскетболиста. Возрастные прыщики на лице он всячески старался скрыть, замазывая их белым кремом, остатки которого выдавали наводимый макияж. Он путешествовал вместе со своим младшим братом Максимом, который не уступал ему в росте. Даже мог сойти за близнеца, если бы не темное от загара лицо и узкая капитанская бородка, совершенно ему не шедшая.

Одно можно было сказать точно об их сходстве — это то, что виски они пили на равных. При появлении стюардессы быстро прятали бутылку под сиденье. После каждого принятия на грудь шелестели обертками фольги от шоколадки, как ненасытные сладкоежки.

— А ты что, по-английски соображаешь? — с надеждой спросил Василий и протянул свой бланк с паспортом.

— Ну а как же вы думали? Целых два месяца зубрили на курсах. Невест-то американских надо будет охмырять! Как без языка?

Максим хохотнул, прикрыв рот ладонью, и хитро посмотрел на брата.

Сергей достал айпад и, хмыкнув от невольной случившейся двусмысленности, строго покосился на Максима.

Положив сверху полученный листок, взял у Василия паспорт, стал старательно заполнять пустые клеточки латиницей.

— Куда едете? — через некоторое время спросил он. — Гостиница или родственники?

— Дочка у меня с мужем и внуками под Чикаго, — гордо ответил Василий и достал из потайного кармана конверт с адресом.

— Везет вам! — позавидовал Максим. — А нам еще надо найти своих будущих родственников, а потом жениться, вот морока! А вы, верно, на соединение с семьей? Остаться хотите?

— Да, наверное, придется, — ответил Василий с грустью, вспомнив причину своей поездки.

— Так радоваться надо, дедуня! — отозвался Сергей и протянул заполненный бланк. — Паспорт синий с орлом получите!

— Могу не успеть, — горько усмехнулся Василий.

Он уже снова оказался напротив полицейского и тот, пробежав глазами заполненный бланк, сделал на нем какую-то отметку. Оторвав половину, другую пришил в паспорт и вернул Василию.

На прощание еще раз улыбнулся, весело произнеся:

— О'кей!

Затем повернулся к Сергею, шедшему следом, предоставив Василию возможность ступить на американскую землю.

Багажа у полковника не было, и он в растерянности остановился посреди зала, где черным плоским змеям, извивающимся под тяжестью взгромоздившихся на них чемоданов, никак не удавалось уползти в свои норы.

Вдруг накатило гложущее одиночество. С благодарностью вспомнил о последних земляках-попутчиках. Решил, что, видимо, не зря они постоянно называли его дедом, хотя ему всего-то пятьдесят! В последнее время сильно сдал, похудел, начал сутулиться. Медленно распрямлялся, когда приходилось долго сидеть, и слегка тянул за собой правую ногу, немевшую все сильнее от ягодицы до колена.

Черные волосы на голове разбавила седина. Они потеряли жесткость и поредели так, что можно было стричься раз в квартал. Брился через неделю, когда замечал, что седая щетина начинает становиться мягкой и располагает к отращиванию бороды. Брови косматились и нависали все ниже, придавая лицу угрюмость и озабоченность.

В спортивной сумке через плечо — только необходимое: пара трусов, столько же носков, еще кое-какие мелочи и взятая по привычке ветхая телефонная книжка с адресами бывших коллег, многие из которых уже ушли в мир иной.

Единственную верхнюю одежду он нес на себе. Это был серый костюм с темным металлическим отливом, который он купил лет пять назад для торжественных мероприятий на службе. В последний раз надевал месяц назад на похороны жены.

Приобрести костюм заставила она же, настаивая на том, что начальнику надо выглядеть солидно. Выбирала в обтяжку, чтобы застегивался только на среднюю пуговицу, выделяя слегка выпирающий живот. Теперь костюм сидел мешковато. Плечи обвисли, а низ брюк упирался в ботинки, как помятые гофрированные трубы.

Ткань была еще плотная, несколько затяжек на бортах были не заметны. А галстук под цвет ко-

стюма с голубой рубашкой и серые ботинки делали вид Василия достаточно презентабельным, но только издалека.

На деньги от продажи своей недвижимости он застраховался. Оставшуюся сумму положил на счет в международный банк, оформил карту «виза» и вписал данные дочери как совладелицы. В страховку своей жизни на один миллион долларов и завещание тоже записал ее. Все равно российские банки больше не выплатят, обязательно обманут или убьют.

Под дерматиновой вкладкой на дне спортивной сумки — десять тысяч долларов. Ровно столько таможня разрешает вывозить наличными.

До последнего момента Василий не верил, что его выпустят из страны. Сосед по лестничной площадке говорил, что с продажи квартиры, дома и машины надо уплатить большой налог. А должников налоговики отлавливают в аэропорту.

В Питере всю дорогу лил дождь. И вот сейчас, видя через стеклянные двери голубое небо с редкими кляксами белых кучевых облаков, он вдруг понял, что никакая жизненная сила не сможет вернуть его обратно. Что вот этот полицейский, которого он несколько минут назад ненавидел лютой ненавистью, не отдаст его, хотя бы даже в течение года, указанного в визе! А ему столько и не надо. Лимит, определенный врачами, заканчивался через пару месяцев. Срок визы теперь — как целая жизнь. Но только — чужая.

Обязательный обратный билет — насмешка судьбы.

Но это не огорчало. Он знал, что на его место незнакомая молодая мама положит уснувшего

ребенка и с благодарной мимолетной жалостью подумает об опоздавшем пассажире.

Им овладело чувство защищенности. Уверенности в том, что все задуманное обязательно случится и то, что после него останется, перейдет к дочери и внукам вместе с доброй памятью о нем. Он попытался представить чувство их благодарности, но вместо этого ощутил незнакомую ранее легкую светлую грусть.

Улыбнувшись своему новому настроению, Василий неторопливо двинулся за прилетевшими пассажирами, получившими поклажу, и оказался снаружи аэропорта. Почувствовал, как плотный теплый воздух сдавил его со всех сторон, окончательно выжимая остатки влажной прохлады и настороженности, которые он неосознанно провез из России через все границы где-то глубоко внутри своего организма. Как контрабанду.

Вокруг было шумно. Шарканье кроссовок и покрышек автомобилей глушило редкий стук каблучков. Хаотичное движение человеческих тел в разноцветных легких нарядах создавало праздничное мельтешение, похожее на плескание конфетти, подхваченного ветром.

Люди громко болтали на непонятных языках и жестикулировали. Как только их взгляды встречались с Василием, они улыбались ему, словно старые знакомые, ожидая аналогичной реакции. Видя его растерянность, не обижаясь, шли дальше по своим делам.

От этой окружающей доброжелательности казалось, что он прилетел в гости к далеким родственникам, о которых не знал. Василий рассматривал их лица, стараясь уловить нечто близкое,

объединяющее с ним. Пытался ответить улыбкой, но постоянно опаздывал, не успевая настроиться эмоционально, посылал флюиды в никуда.

Проходившая мимо полная чернокожая женщина в красных обтягивающих рейтузах неожиданно остановилась. Повернулась к Василию. Чуть склонив круглую щекастую голову набок, вопросительно приподняла бровь и что-то спросила, задорно шевеля пухлыми губами. Не дождавшись ответа, нахмурилась и задала другой вопрос. К ней присоединился смуглолицый парень с козлиной бородкой и заинтересованно встал рядом. Произнес несколько слов.

Василий смотрел на их лица, чувствуя в интонациях голосов, непривычном сочетании звуков теплоту и заботу, от которой на душе становилось очень хорошо. Было приятно так стоять окутанным маревом искреннего внимания.

Он с наслаждением улавливал в этой речи знакомые слова из школьной и университетской программы по английскому языку. Казалось, что молодое беззаботное прошлое вновь встретило его здесь, дав возможность заново почувствовать свободу. При этом ощутить не страх получения плохой отметки за невыученный урок, а умиление от безнаказанности.

Рот невольно растянулся в ответной улыбке. Хотелось как можно дольше продлить это странное общение, но, пересилив себя, он с сожалением отрицательно покачал головой. Произнес одно из тех немногих иностранных слов, зацепившихся в его памяти:

— Сорри!

Незнакомцы тут же улыбнулись ему в ответ.

Женщина помахала ладошкой, и они поспешили раствориться в потоке пассажиров.

Василий продолжал смотреть им вслед, наблюдая, как, смешиваясь с толпой, они множились и делились, становясь многоликой многообразной массой, состоящей из разноцветных лиц, рук и ног, торчащих из футболок, штанов и кроссовок,двигающихся к стойкам, замерших на эскалаторе, едущих в инвалидных колясках.

Это созерцание несло с собой ощущение экзальтированной эйфории. Люди любую чужую неприятность были готовы погасить как заразу своим единым порывом добродушия.

Все вокруг улыбалось: переливаясь, светились автоматы, продающие напитки и печенье, подмигивала реклама, продавцы за прилавками приветливо кивали, приглашая зайти, добродушно жужжа, проезжала уборочная машина. Все это соединяло людей в единый конгломерат счастья. И даже вздернутые красными рейтузами огромные ягодицы тучной удаляющейся негритянки, казалось, хихикали от удовольствия своего существования, вздрагивая при каждом энергичном шаге их владелицы.

Всеобъемлющий жар продолжал укутывать все вокруг своим проникающим глубоким теплом, и Василий подумал, что эта страна находится ближе к солнцу, которое рождает своими лучами маленькие солнышки на металлических перилах, никелированных ручках дверей, в душах самих американцев.

«Это рай! — подумал Василий. — Именно об этом мне писала и говорила дочь. Здесь мне будет хорошо».

Всколыхнувшее его волнение постепенно улеглось, словно душа приняла произошедшее и соединилась с этой новой формой существования, в которой ему предстояло быть.

Он глубоко вздохнул и ощутил резь в глазах. Не ту, что накатывает изнутри душевной горечью, не удержанной ослабевшим сознанием, а легкую, рожденную дуновением прохладного бриза, внешне коснувшегося роговицы глаз.

Все вокруг слегка помутнело, точно настраиваясь в новом формате. Василий несколько раз учащенно моргнул и слезы отступили.

ГЛАВА 2. В РОССИИ

После выхода в отставку стало ясно, что на пенсию не прожить. Жена постоянно болела, и за ней требовался уход. Сказывалось вредное производство на химкомбинате, куда она попала по комсомольской путевке. Надеялась получить максимальную пенсию и раньше уйти на заслуженный отдых.

Решили переехать на дачу, а квартиру в городе сдавать. Дочь к тому времени уже плотно обосновалась в Америке, и Василий, покинув государственную службу, не боялся, как раньше, получать от нее редкие весточки.

Валерия продолжала писать, что на днях получит гражданство и приедет в гости с мужем и двумя сыновьями. Но длилось это получение уже давно. Как ей удавалось незаконно находиться там? Было непонятно.

За пару лет до отставки Василий худо-бедно освоил компьютер, за что был очень благодарен одному из своих подчиненных. И теперь они с женой могли общаться с дочкой по скайпу.

Выходила в эфир Валерия не часто. Обычно поздно вечером или рано утром. И хотя дата и время сеанса оговаривались заранее, компьютер в спальне не выключался. Ночью мерцающий монитор освещал убогую обстановку: разложенный ди-

ван без ножек и спинки, платяной шкаф, маленький журнальный столик у дверей, через которые можно было попасть прямо на кухню. Печь в холода топилась через день. Запах горелой древесины казался Василию лечебным. Он вдыхал его полной грудью. Ощущал в его терпкости спокойствие. Гармонию души и тела.

Пробежав по новостным сайтам, Василий снова открывал окно скайпа, где в таблице контактов светилась всего одна строчка. С именем дочери.

Майские праздники в деревне ощущались звонком лопат на участках и стуком молотков, приводящих в порядок дома после зимы.

Только недавно полностью сошел снег, насытив землю влагой. А с неба непрестанно лил дождь, не давая работать. Надо было успеть за лето утеплить дом, чтобы спокойно остаться зимовать. Купленные стройматериалы лежали в сарае. Но к нему из-за образовавшихся луж было не подступиться. Работать под дождем Василию не хотелось. Ему казалось, что боль в ноге — от простуды, и лишний раз мерзнуть не желал.

Валентина ему не помощница. Мучается своей беспомощностью, но, опираясь на палку, изо всех сил сопротивляется неизвестной болезни. В последнее время ноги стали беспокоить меньше, зато появился глухой внутренний кашель, от которого никак не избавиться. Тот вырывался неожиданно, и чтобы его остановить, надо было присесть, обнять грудь руками. Хорошо бы в больничку. Да как-то все... обойдется. Выходила во двор, стояла около лавочки, глубоко вдыхала весеннюю свежесть. Надеялась, что деревенский воздух затянет нанесенные городом раны.

Утром предстоял очередной сеанс связи, о котором договорились с дочкой на прошлой неделе. Прислушивались: не зазвучит ли знакомое пиликанье из компьютера.

Василий в очередной раз с сожалением посмотрел в окно. Вечный дождь. Оглядел комнату: может, что подремонтировать? Да вроде все, что можно было, уже...

Достал со шкафа коробку с шахматами. На столе — сборник дебютов. Расставив фигуры, углубился в хитрые комбинации. Изредка оборачивался, чтобы посмотреть на супругу.

Та за кухонным столом протирала посуду белым вафельным полотенцем и что-то нашептывала себе под руку, словно колдовала, выводя круги на глянцевой поверхности тарелок. Рядом с ней лежал серый медвежонок. Жена постоянно носила эту куклу, надеваемую на руку, с собой. Перекладывала с места на место, чтобы та всегда была на виду.

Трель компьютера, как всегда, неожиданна. Жена сидела ближе и, привстав, нависла над клавиатурой, занеся руку. Но опять забыла, какую клавишу нажимать. В нетерпеливом смущении не рискнула. Дождалась помощи мужа.

На экране появился знакомый угол комнаты, завешенный ковром с изображением летящих ангелочков и приколотой иконкой Николая-угодника, которую дочь получила уезжая. Валерия, как обычно, в красивом платье, сидела на кровати. Рядом на столике в большой тарелке — бананы и персики. Ваза с красными розами.

Василий с женой изучили этот натюрморт до мельчайших деталей. Розы всегда были свежи, а от фруктов, казалось, исходит душистый аромат,

словно они только сорваны в саду. Чудилось, что дочь их попала в райский уголок планеты, наполненный светом и теплом. Где щебечут птицы, стрекочут кузнечики и все располагает к доброте.

Жена подсаживалась вплотную к экрану. Она все чаще забывалась во время разговора, и высохшие суковатые дрожащие пальцы тянулись к дочери — коснуться родного чада, пригласить во-лосы.

Но недовольное сопение мужа, напоминающее закипание чайника, возвращало ее к реальности, заставляя отдергивать руку, словно ошпарившись кипятком.

Валерия рассказывала. У них очень жарко. Много зелени на участке. На работе в больнице все в порядке. Ее любят и уважают. Выписывают премии. Иногда подрабатывает в мексиканском магазине, приносит оттуда свежие фрукты и овощи, которыми все наелись так, что уже не хочется. Плесневеют, приходится выбрасывать. Вместе с мужем и детьми на выходных отдыхают в парке Чикаго. Катаются на каруселях, купаются в бассейне, водные аттракционы...

Обо всем и ни о чем. Как обычно.

Краем глаза Василий замечал, как улыбается жена. Лицо ее светлело, словно с монитора перетекали потоки счастья. Тербила серого мишку, не решаясь показать дочери, напомнить о расставании. После этих сеансов она преображалась. Начинала суетиться на кухне, забывая про костыль. Затворяла тесто на пироги или другую сдобу, будто перед скорыми гостями.

Забывшись, она вновь потянулась дрожащей рукой к голове дочери. Василий не стал ей препятствовать.

От компьютера не убудет, а ей радость. В последнее время он стал относиться к жене снисходительно, точно чувствовал предстоящее расставание.

Но едва жена дотронулась до экрана, закашлялась. Съежилась на табуретке, прижимая игрушку к груди, глуша вырывающиеся хрипы. Опасливо поглядывая на мужа.

— Кто это у вас так кашляет? — забеспокоилась дочь.

— Мать немного простудилась, — Василий обнял жену за плечи, прижимая к себе. — У нас дожди. Прохладно.

Неожиданно дочка стала говорить по-английски, обращаясь к кому-то. Затем экран заполнила темно-красная ладошка. Появившаяся внезапно черная наклоненная голова произнесла:

— Привет!

Это был старший сын дочери Виктор. Уже совсем взрослый. Ему недавно исполнилось четырнадцать. Вечно куда-то спешил. Дед с бабкой никак не могли привыкнуть к его внешности. Каждый раз шарахались от экрана, мельком углядев скуластое лицо, угольки глаз и смоляную мочалку волос. Он всегда улыбался, растягивая толстые губы.

Как ни старался Василий, но почувствовать что-то родное и близкое, объединяющее этого веселого негритенка с дочкой, — нет, не удавалось. И оттого становилось стыдно. Словно не был он хозяин своей душе. Не мог поверить, что это и есть его внук, продолжатель рода. С женой об этом не говорил. Понимал, что она ощущает то же самое.

Валерия с укором что-то говорила Виктору на английском. Тот отвечал, бурно жестикулируя. Затем снова возник на экране:

— Киак дилия?

И, не дождавшись ответа, выпал из поля зрения.

Валерия за руку притянула к себе второго сына. Младший, семилетний Даниил — полная противоположностью своему брату. Ангелочек. Белокожий. Длинные вьющиеся волосы. Распахнутые голубые глаза. Молча смотрел в экран. Разглядывал незнакомых ему людей, которых мать называла своими родителями.

— Данила, привет! — ласково обратился к нему Василий. — Я твой деда! Скажи де-да!

— Папа, его зовут Даниил, — перебила дочка.

— Даниил ему не подходит, — в очередной раз заспорил Василий. — Посмотри на него! Будущий русский богатырь! А ты — Даниил...

— Даниил — это тоже русское имя! — настаивала дочь.

— Может, оно и так, только Данила лучше! — подвел итог Василий.

Внук все молчал. Казалось, его нисколько не занимал спор взрослых. Смуценно потирал ладошки, перебирал пальцами, точно катал ими невидимые кусочки пластилина. Даже не пытался произнести какое-либо слово. Изредка указывал на что-то пальцем, как глухонемой. Трогал мать за руку, ожидая ответа. Крутил головой.

Это наводило на мысли о болезни.

Но дочь заверила, что он очень хорошо говорит, просто сейчас стесняется.

Василий с женой смирились с таким объяснением и больше вопросов не задавали.

Немного поболтав, дочка сказала, что ей надо заниматься срочными делами по дому, и она будет рядом.

Василий достал с полки книгу. «Маленький принц» Экзюпери. Стал читать вслух.

Внук слушал, изредка улыбаясь. Когда он хмурился, Василий откладывал текст и начинал, как мог, разъяснять прочитанное. Внук снова светился улыбкой. Василий знал, что Данила его понимает. В душе разливалось тепло. И казалось, что перед ним не плоский экран монитора, а сидит на стульчике сам внук. Протяни руку — и можно взлохматить белые волосики. А тот уцепится своими пальчиками за большую ладонь деда...

— Ну что ты мне парня расстраиваешь! — возмущалась подошедшая Валерия. — Не можешь что-нибудь повеселей почитать?

— Это умная сказка, дочь! Помнишь, я тебе ее читал в детстве?

— Ничего я не помню, папа... Здесь все по-другому. Жизнь другая, и сказки совсем не те...

В течение года после увольнения Василий должен был пройти медкомиссию. Не сомневался, что получит инвалидность и, соответственно, денежную компенсацию. Как-то можно будет существовать. Правая нога все сильнее тянула, немела по утрам. А мотаться в город было тяжело.

Но в медчасти ГУВД только разводили руками, намекая на давнишнюю командировку Василия в Чернобыль на тушение реактора атомной станции. Какой-либо определенный диагноз не ставили, футболили от доктора к доктору. Об инвалидности и речи не шло. Считали, что все дело в позвоночнике. Предлагали записаться на платное обследование, где один снимок поясничного отдела по стоимости был соизмерим с пенсией. Таких денег у Василия не было.

Поликлиника оплачивать не отказывалась. Но главврач стал неуловим. Сопевания, командировки. Заявление так и оставалось неподписанным.

В конце концов, чтобы отвязаться, участковый терапевт дал направление в онкологический центр на Березовую аллею.

В погожий денек Василий сдал там анализы.

Ответ получил скоро...

ГЛАВА 3. ВСТРЕЧА

— Привет, дед!

Родная речь внезапно вернула Василия обратно к ожиданию чего-то ненадежного, неприятного. Готовности дать отпор или просто уйти, затаив злобу.

Он обернулся.

Молодой светловолосый парень. Низкорослый. Если бы не коренастая фигура, можно было принять за подростка. Лицо сплошь покрыто веснушками. Голубые глаза. Налившиеся красным веки. Яркие губки бантиком.

— Вы мне? — спросил Василий на всякий случай.

Лицо молодого человека было на удивление знакомым, словно когда-то давно видел его.

— Кому же еще? — криво усмехнулся парень. Правой рукой, как гребнем, приподнял свою длинную челку и пригладил назад. В уголках глаз — сеть морщин. Стало видно, что ему давно за тридцать. Красная футболка с двумя нарисованными злыми зубастыми человечками из мультика скрывала хилую грудь. — Видишь здесь другого деда?

— А почему сразу на «ты»? — спросил Василий недовольно. Парень ему не понравился. — Мы знакомы?

— В английском языке слова «вы» нет, — ответил тот насмешливо.

— А ты что, со мной на английском говоришь? — начал злиться Василий. Ему не нравился этот неожиданно возникший островок родины, на котором он оказался, беседа с незнакомцем.

— Говорю-то по-русски. Только здесь Америка! — парень перестал улыбаться и снова поправил челку.

— И что, значит, уважения никакого нет? — Василий сделал вид, что собирается отвернуться и уйти.

— Какое здесь уважение, дед? Вот если б у тебя бабла полные карманы были, тогда и уважение! Но что-то на миллионера ты не смахиваешь! — он придержал Василия за локоть и, спрятав ухмылку, добавил: — Ладно, чего трепаться! Дочка твоя просила тебя доставить. Ты же сообщил, когда прилетаешь. Пошли в тачку!

— А ты кто будешь-то? — повернулся Василий.

— Да можно сказать и муж! — снова ехидная улыбка.

— Она мне писала, что муж у нее американец! — недоверчиво сказал Василий.

— Все мы здесь американцы, пока не депортировали, — усмехнулся парень. — Знаешь, почему Америку называют свободной страной?

И, не дождавшись ответа, продолжил:

— Здесь нет закона о депортации! Если уж ты проник на их территорию, то можешь свободно жить! Но только до тех пор, пока не совершишь какое нарушение! Вот тогда тебя вышлют! Чувешь? А ты, дед, тоже, видать, американцем хочешь пожить, как я посмотрю?

— Хочу американцем помереть! — не сдержался Василий.

— Ха-ха! Ну ты, дед, хохмач! Лерка и не гово-

рила мне, что ты шутник! Ну, поехали, что ли? Тет меня зовут. Толя по-нашему.

— Это по-какому по-вашему? — Василий не мог сдержать возникшую ранее неприязнь. — Имя себе выбрал кобелиное, как кличку собаке. Тет — не Тет! Тот, не тот! Дочь мою Леркой обзываешь! Она что тебе, плашка для нарезания резьбы..?

Но, вспомнив счастливое состояние, испытанное еще минуту назад, подавил раздражение. Посмотрел вверх на синее небо, почувствовал жар от солнца на своем лице и тихо добавил:

— Василий Петрович меня зовут.

— Да ладно тебе, Петрович, — примирительно сказал Тет, — вместе щи у Валерии хлебать будем! А резьбу твоя дочь точно нарезать может на ком угодно! Где багаж-то?

— Все, что есть, — Василий развел руками.

Тет оглядел его сверху вниз. Остановил взгляд на сумке, висевшей через плечо:

— Ты как на свадьбу собрался!

— Сказал же, на похороны! — буркнул Василий. — Чего языком чесать, сказали везти — так вези!

Тет обиженно махнул рукой, развернулся и неторопливо пошел вперед.

Василий последовал за ним. Ослабил узел галстука. Почувствовал, как горячий воздух проник к шее и стал пробираться к груди.

— Жарко тут у вас! Мне всегда казалось, что Америка и Россия лежат на одинаковой широте!

— Что ты, дед! ...Петрович, — поправился Тет. — Чикаго южнее вашего Сочи, а остальные города еще ближе к экватору! Сплошная Африка! Ну, не считая Аляски, конечно.

Они спустились вниз по парапету, затем прошли под виадуком и вышли к автостоянке.

— Сумку можешь бросить в кузов, чтобы в кабине не мешала, — Тет кивнул на огромный старенький джип с широкими колесами.

— Ты что, на нем лес возишь по болоту? — усмехнулся Василий. — Я слышал, дороги у вас тут в порядке.

— Подрабатываю иногда. Кому что перевезти, трейлер или катер доставить. На все случаи жизни. С парковкой проблем нет. Там, где запрещено, и малолитражку не поставишь, а где разрешено — там всегда места навалом! Здесь поездов почти нет — все машинами. Поэтому и дороги хорошие. Кто-то из ихних президентов сказал, что Америка будет жить, пока будут хорошие дороги. Они здесь как... артерии в организме — снабжают каждый закуток! Во я сказанул! — сам себя похвалил Тет.

«М-да. Если дороги — это артерии, — подумал Василий, — то в России уже давно хроническая стенокардия и вот-вот наступит инфаркт. Может, уже и наступил».

— А что, передний номер полицейские сняли за быструю езду? — спросил он, подозрительно обходя машину. — Нарушаешь?

— Да нет, — ответил Тет, открывая дверь кабины. — Здесь так принято! Можно только с задним ездить. Полиция, как правило, позади пристраивается, ей передний номер ни к чему. Никто, как в России, из кустов на обочине не ловит. Ну, поживешь, сам все узнаешь!

Василий положил сумку в кузов под брезент и залез на пассажирское сиденье. На такой высоте ему ездить не приходилось, если не считать пере-

езд за город на грузовике. Он тогда сидел рядом с водителем, показывая дорогу, рискуя выбить головой лобовое стекло на очередном ухабе.

На кожаном сиденье джипа Василий вновь ощутил ломоту в правой ягодице. Чуть сполз вперед, чтобы боль утихла. Выйдя из самолета в аэропорту Чикаго, он вообще едва волочил ногу. Под непривычно жарким солнцем все сразу вдруг прошло. Экая чудодейственная аура Америки! Будто анестезия!.. Но вновь возникшая боль напомнила о цели прилета.

Как только машина выехала со стоянки, Василий пожалел, что не сходил в туалет в аэропорту, и теперь к ломоте в ноге прибавились неприятные ощущения в паху.

— Ты чего ерзаешь, Петрович? — Тет в очередной раз пригладил челку. — Приспичило?

— Ну да, — решил не скрывать правду Василий, чувствуя, что его терпения надолго не хватит. — Может, съедем с дороги в перелесок, я быстро!

— Ты что! — возмутился Тет. — Да здесь за такой перелесок в тюрьму посадят. Да и какой здесь перелесок?! Дешевле в кабине опорожниться. Сейчас выедем на трассу, я заверну к первой кафешке. Это тебе не Россия, где все гадят на обочинах!

Впервые за последние несколько часов Василий пожалел, что он не дома, где можно остановить машину на краю дороги, встать рядом и сделать свои дела. Расслабиться, глядя в открытое поле. Покоситься на старух с детьми, которые ближе к поселку продают зелень и овощи с огородов. А чуть дальше грибники и ягодники предлагают за бесценок свой товар, собранный в лесу.

И каждый пытается существовать, приторговывая пирогами, валенками, корзинами, свистульками... Выставляет свой товар ближе к шоссе, словно на загрубелую скатерть многокилометрового стола, простирающегося на всю страну. Не для удовольствия, а чтобы как-то выжить в этом государстве, богатом ресурсами и чиновниками-миллионерами.

«Да... — грустно подумал Василий, — великая Россия — страна обоссанных обочин, которые становятся папертью».

ГЛАВА 4. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Сейчас уже не вспомнить, каким образом его медицинская карта попалась жене на глаза. Видимо, по рассеянности оставил ее на столе или тумбочке. А может, жена сама залезла в шкаф, где он хранил награды и личные документы. Как смогла разобрать почерк докторов?

Придя со двора, где подбивал стены минеральной ватой и закрывал доской, утепляя дом, он обнаружил жену на полу. Будто просто легла на плетеный из кусочков материи коврик. Свернулась калачиком, поджав ноги к животу. Обнимая руками голову, словно боксер в закрытой стойке. Этот удар судьбы она пропустила...

Василий дотронулся до ее плеча и тихо позвал по имени, словно боясь разбудить. Не шелохнулась.

Затащить грузное тело на диван ему было не под силу, да и как бы хуже не сделать. Взяв с кровати подушку, подложил ей под голову. Вызвал по телефону скорую помощь. Мельком удивился своему спокойствию. Словно диагноз «рак», который значился в ответе онкологического центра, уравнил его с беспомощно лежащим телом жены. И теперь они снова были вместе, как все прожитые годы.

Он снял с кровати теплый плед и укрыл ее тело до шеи. Подоткнул под согнутые в локтях руки. Пригладил к голове седую прядь, выбившуюся из-под резинки, стягивающей волосы на затылке в пучок. От обилия морщин у глаз почудилось, что она специально крепко зажмурилась, не желая видеть, что творится вокруг.

Василий подобрал свою медицинскую карту. Рядом на полу валялся молоток, с которым он зашел в дом, и желтая рулетка с высунутым, как у выдохшейся собаки, розовым язычком ленты. Вдруг подумал, что вот именно так он сейчас и выглядит. Все в одно мгновение перестало быть нужным! А подготовка к зиме, которая для них вряд ли наступит, просто смешна. Как пожелание здоровья лежащему в гробу. Может надо, как жена, сомкнуть плотнее глаза и не открывать их, пока хватит сил. Держать веки закрытыми, держать, держать! И так уснуть. Забыться. И открыть их вместе с ней, одновременно, в раю, о котором твердят священники. Иногда хочется, чтобы они были правы...

Врачи констатировали инсульт, мгновенную смерть.

Затем были недолгие хлопоты с погребением. Сестрорецкое кладбище, низина. Место рядом с ее родителями, старое, решетки соседних могил вплотную друг к другу. Не дают открываться узеньким калиткам.

Так что, пока двое молодых ребят, скользя по глине, копали яму, Василий глядел на них снаружи через старые ржавые прутья. Сквозь прутья кидал землю на невидимый в глубине вырытой могилы гроб. Потом просовывал цветы, словно это была запретная для него зона.

Вот такое, значит, будет теперь общение с близкими людьми: с женой через решетку, с дочкой — через монитор.

Жизнь, жизнь... Он все чаще стал задумываться. Правильно ли сделал, поступив в молодости на службу государству? Да, обезопасил себя в правовом поле, став на голову выше абсолютно безграмотного юридически населения России. Помогал людям разбираться в запятых, понаставленных ушлыми законотворцами. Загонял себя в мир принципиальных мелочей, каждая из которых могла стать для человека роковой, в зависимости от того, как он ею распорядится.

Но, гордясь умением видеть и использовать незаметные всем детали и приметы, потерял способность рассмотреть то большое, что окружало его. Перестал замечать, как течет время. Как изменилась страна и люди. Как поменялись ценности жизни, перемолов порядочность и сострадание в деньги, которые заменили собой закон. Поглотили и важность тех мелочей, знанием которых он гордился. Не надо изучать юридические казусы, статьи и поправки к ним, комментарии и указы. Теперь надо уметь брать и давать, брать и давать. Вот и все правовое поле.

Он чувствовал себя подшипником построенной вертикали, по которой сверху вниз текли указания, а снизу вверх деньги, деньги, деньги...

Еще по инерции продолжая подмечать никому не нужные мелочи, так и не оценил главное — преданную любовь и заботу жены. Воспринимал как должное, не замечая.

Со дня ее ухода он не переставил в доме ни один предмет, до которого она дотрагивалась. Казалось,

вещи еще хранят ее тепло. Подходил к полочке с посудой, закрывал глаза и вдыхал запах, идущий от помытых ею тарелок и блюдец. Слышал шарканье тапок, скрип ступеней на крыльце. Посвист алюминиевой ручки в тонкой дужке ведра. Вот сейчас откроется дверь и жена войдет, отряхивая свой цветастый фартук, словно сбивая с него головки лютиков:

— Ты, верно, проголодался? Давай перекусим что-нибудь...

Один сеанс связи он пропустил.

В следующий раз Валерия спросила, почему нет матери. Солгал: в больнице на профилактике. Вранье ненадолго. Зачем расстраивать лишний раз? Пусть узнает о них двоих одновременно, и тогда он с женой снова будет вместе, хотя бы в трагедии дочери.

Валерия по обыкновению отлучилась, и Василий снова читал свою книгу Даниле. Невидимые слезы текли, будто не книгу он читал, а молитву возносил. Прощался с женой. Рассказывал внуку о жизни своей, о службе. Как потерял друга в Афганистане, спасая местного пастушонка. Как получал ранения и страшные известия...

Даниил сидел, не шелохнувшись. Белобрыся челка, распахнутые глаза. Понимание во взгляде. Понимание?

И чем дольше Василий читал, тем сильнее крепла в душе обида за обман всей жизни. Когда отдавал всего себя на пользу родине, не обращал внимания на беды жены и дочери. Шел на очередные жертвы, подавая пример молодым. Пока не остался один с мизерным пособием на дожитие.

Вот это стремление к чему-то призрачному, к новым и новым подвигам вместо простой жизни,

заботы о близких, воспитания детей и внуков, подается как загадочность русской души!

...Решение пришло само собой. Бесповоротное, как цунами. Оно заполнило всего Василия, расщепилось на колонии мыслей о дальнейших действиях. Как проведение оперативной комбинации на службе.

И как только дочка с внуком на мониторе помахали ему рукой, он вошел на поисковый сайт и набрал: «Визы в Америку».

Пришлось взять небольшой кредит. По почте пришел список необходимых документов. Директор туристического агентства, молодая женщина, обещала за тысячу рублей заполнить анкету и подготовить все материалы для подачи в консульство. Провожая на собеседование, сказала, что шансов мало: родственников у него здесь не осталось, жена умерла, дочь с внуками в Америке. А вдруг он решит там остаться? Вряд ли США рискнут взять на себя заботу о бывшем российском полицейском, если даже здесь о нем стараются забыть.

И вот Василий уже сидел на скамеечке в ожидании собеседования, вместе с десятком таких же просителей...

Плоский телевизор на стене рекламировал дивную жизнь в Америке. На экране довольные лица рассказывали, как развивается в стране наука, как заботятся об инвалидах и стариках. Отдавало топорной пропагандой застойных времен. Было противно.

Но где-то там живет его дочь со своей семьей. Им хорошо, и это самое главное. А ведь пятнадцать лет назад Валерия тоже сидела в этом зале и смотрела, быть может, тот же фильм. О чем она думала? Что переживала?

Он посмотрел вокруг, пытаясь представить, где она могла сидеть. Все просители визы неотрывно пялились на экран. Будто слизывали взглядом все то, что предлагала им далекая страна. Улыбались напоказ, скрывая внутреннее недоверие от нацеленных со стен стволов видеокамер. Лишь бы только убедить службу безопасности в своей лояльности. Восторг от американского образа жизни, восторг!

Василий был одет в свой единственный костюм. На левую сторону груди пристегнул медаль «За отвагу» с изображением летящих самолетов и танка, разделенных арабской вязью. Он заслужил ее в армии, выполняя интернациональный долг. Это была не единственная награда. Но все остальные он получил, когда уже стал милицейским начальником. Толком и не помнил, за что их вручали.

Сидел и думал, что вот эта Америка совсем рядом. До нее всего лишь кивок головой того угрюмого, сосредоточенного лысого клерка за прозрачным окном. Америка, о которой со школьными друзьями пел под гитару: «Гудбай Америка, о, где я не буду никогда... Нас так долго учили любить твои запретные плоды...». Ну да, «Наутилус Помпилиус».

И в мыслях не было, что выдастся шанс там побывать. Даже посидеть в консульстве, увидеть путь, по которому туда можно попасть. Но никому из школьных друзей он уже не расскажет об этом. И вообще вряд ли кому расскажет. Времени у него осталось ой как мало. И то, что на результатах анализов, подтверждающих наличие злокачественной опухоли в позвоночнике, рекомендовано повторное обследование, совершенно ничего не означает. Ведь он и сам постоянно чувствует эту опухоль,

которая с каждым днем, разрастаясь, пережимает жизненно важные органы. Проникает своими метастазами все глубже. И, пока она не добралась до его мозга, надо успеть сделать все то, что задумано.

Василий гнал и гнал от себя горестные мысли. Но они продолжали всплывать, напоминая о медицинской комиссии, симпозиуме докторов, их заключении. Все это перекликалось с увольнением и нищенской пенсией. Отчего казалось, что смертельный диагноз поставили не люди в белых халатах, а страна, в которой он родился и вырос, которой служил, отдал свою молодость и зрелость, теряя друзей и родных.

В первом окне молодой очкарик взял через проrezь все собранные Василием документы. Попросил поочередно прижимать пальцы рук к маленькому сканеру для снятия отпечатков.

— Почему ваша жена не едет? — спросил он, выговаривая слова с легким акцентом.

— Она умерла, — спокойно ответил Василий.

— У вас есть в России родственники?

— Нет, — Василий понял, куда клонит служащий. Вспомнил поучения директора турагентства показывать, что обязательно вернешься в Россию.

— К кому вы едете?

— К дочери, — кратко ответил Василий.

— Где ее приглашение? — прозвучал новый вопрос. Сотрудник наклонил голову вниз, перебирая перед собой документы.

— Мне не нужно приглашение, чтобы навестить родную дочь с внуками, — раздраженно произнес Василий.

Очкарик за окном резко поднял голову и посмотрел на Василия. С удивлением вскинул брови.

— У меня больше нет вопросов, — сообщил он, — Можете вернуться на место, вас вызовут.

Василий почувствовал, что ему отказали. Почему тогда сразу не вернули паспорт, заставили снова чего-то ждать.

Он ругал себя за резкость ответа. За потерянную былую находчивость.

«Неужели, — думал он, — я не мог сказать, что хочу сделать дочери сюрприз или что другое!.. Теперь все старания насмарку. Тысяча рублей пропала, и деньги за билет на самолет уже заплатил в оба конца. Неизвестно, когда вернут и вернут ли вообще. А главное — это дочь, внуки! Опять общаться через скайп! Долго ли?»

Едва расслышал свою фамилию по трансляции. Не переставая ругать себя, встал и пошел к нужному окну.

Теперь за стеклом сидел клерк постарше. Ровесник Василия, замеченный ранее. Тот не был лыс — его седые очень короткие волосы, не видимые издали, стояли ежиком. На лацкане пиджака красовался маленький многоцветный флажок. Он хитровато щурил глаз, глядя на Василия. Но тонкие губы были плотно сжаты — этакий минус, обозначающий отказ в получении визы.

Он попросил Василия оставить на сканере отпечаток безымянного пальца правой руки и стал внимательно смотреть на экран своего монитора. Потом мельком взглянул на Василия и снова уставился в монитор, чуть двигая мышкой по столу.

— У вас в Америке дочь? — спросил он.

— И два внука, — добавил Василий безразлично.

— Давно не виделись? — спросил мужчина.

— Пятнадцать лет, — ответил Василий, стараясь

не почувствовать эту огромную пропасть. Но веки все равно начало сводить, и он несколько раз подряд моргнул, расслабляя их.

— Чем вы занимаетесь? — спросил мужчина и приблизил свое лицо к стеклу, словно хотел рассмотреть клиента поближе.

— Полковник в отставке...

Василий увидел, что седой мужчина вовсе не прищуривает глаз. От правой брови у него шрам, стягивающий кожу в мелкие складки. И вглядывается он не в лицо Василия, а рассматривает медаль на его груди.

— Вы были в Афганистане? — спросил он удивленно.

— Я там воевал! — Василий выпрямился, как тогда, перед строем, получая награду. Всплыло в памяти, будто наяву. Как прикрывал собой мальчугана от пуль и осколков, не позволяя тому встать посреди внезапно возникшего боя. Как пацан, словно дикий зверек, кусался и царапался, бил кулачками в грудь, не давая возможности Василию стрелять, прикрывая товарищей. Что-то кричал на своем языке, а потом горько плакал над растерзанными трупами убитых овец, когда с поля уносили раненых бойцов...

Седой клерк неожиданно встал. Резко поднес раскрытую ладонь к правому виску и замер на несколько секунд перед изумленным Василием, словно оказавшись в том же далеком строю под палящим солнцем Афганистана. Честь имею!

Присаживаясь, тронул значок на лацкане, затем коснулся шрама:

— Я тоже там был. Вы получите визу на год. Езжайте к внукам. Они ждут.

Василий продолжал стоять перед окном, не в силах осмыслить все то, что произошло несколько секунд назад. Не понимая, надо ли ему что-то говорить или благодарить.

— Идите, паспорт получите позже, — добавил мужчина, видя растерявшегося полковника.

Василий медленно развернулся к выходу.

— Документы будут готовы через неделю, — вдогонку ему крикнула девушка с ресепшн.

ГЛАВА 5. ДОРОГА

Джип ехал по дну бетонного желоба с метровым бордюром, за которым виднелись домики, отделенные низкими заборами.

— Ну вот, — Тет кивнул на баннер «Макдональдса». Тот был установлен на высоком столбе, возвышающемся за отделяющей дорогу лесополосой. Рядом стоял десяток аналогичных вышек с распустившимися на конце бутонами реклам мотелей и ресторанов. Они походили на ладони тянущихся вверх рук первоклашек, мечтающих ответить на вопрос педагога. С призывной нетерпеливостью привлекая к себе внимание:

— Вызовите меня, меня, меня!

Машина съехала по узкой дороге с автобана и оказалась на большой площади с бензоколонкой, мотелями и торговыми комплексами.

— Приехали, — Тет заглушил мотор.

Василий заскочил внутрь кафе, стал искать надпись «туалет» на английском языке. Замер посреди зала, с ужасом осознавая, что не может найти.

— Чего ищешь? — спросил Тет, войдя следом.

— А то ты не знаешь! — обозлился Василий.

— Вот же «реструм»! — указал Тет, кивнув. — Комната отдыха!

— Откуда я знаю, как он здесь называется, — на ходу кинул Василий негромко, чтобы не ослабить мышцы внизу живота.

Закрыв за собой дверь, сразу обратил внимание, что унитаз наполовину заполнен водой, как это бывает в России при засорах. Но терпеть уже не мог и без промедления добавил туда все, что накопилось в мочевом пузыре.

Сделав свое дело, Василий, удовлетворенный физически и огорченный морально, вздохнул и огляделся. Заметил, как чист и светел туалет. Голубой кафель потолка отражал лучи, проникающие из маленького окошечка вверху. Отбрасывал их светлыми неровными хлопьями зайчиков на блестящие стены. И эта лучезарная чистота никак не вязалась с унитазом, наполненным желтой жидкой дрянью.

Василий протянул руку, чтобы нажать кнопку слива, и замер. Ее не было. Ни на унитазе, ни с боку, ни на стене.

И что теперь?

На всякий случай провел пальцами по верху бочка, ощутив холод фаянса. Заглянул под низ, выскивая хотя бы намек на педаль — ничего!

«Вот тебе и на! — подумал он огорченно. — Первый раз в Америке сходил в туалет и тут же нагадил! Ну и ладно — пусть смывают, как хотят, раз ни ручки не оставили, ни инструкции! Сами засорили, сами пусть и... расхлебывают!»

Отошел к раковине. Хотел крутануть единственную торчащую из стены ручку. Подумал, что здесь из экономии нет горячей воды.

За спиной возникло журчание. Василий обернулся и посмотрел на унитаз. В центре застоялой

жидкости возникла маленькая воронка, превратилась в круговорот с резко нарастающим вращением.

Раздался оглушительный свист. Кто-то огромный под полом в мгновение высосал все содержимое вместе с попавшим в горловину воздухом, оставив фаянс сверкать чистотой. Звук так же неожиданно прекратился, и унитаз наполовину заполнился прозрачной голубой водой.

«Вот так система», — подумал Василий.

Покрутив ручку над раковиной, ополоснул руки под струей холодной воды.

— Там что, внизу, насос установлен? — выйдя из туалета, спросил он Тета.

— Ты о чем, Петрович? — сначала не понял тот. — А, о смыве? Так это у них везде! Я тоже сначала пугался, сам не понимал. Наверно, что-то придумали, но точно сказать не могу. Перекусить не хочешь?

Перекусить?

На рекламных щитах и плакатах — ненавистные гамбургеры и бумажные стаканы с торчащими, словно телескопы подводных лодок, трубочками.

По телу пробежали мурашки. Передернуло от отвращения.

— Что-то не хочется, потерплю до нормальной еды!

— Смотри, ехать еще как минимум полчаса! — сказал Тет и направился к машине.

Василий молча последовал за коренастой фигурой зятя. Кушать ему хотелось, но он и представить не мог, как возьмет в руки эти разрезанные пополам булки с торчащей изнутри котлетой и вылезавшей, словно забытая салфетка, капустой.

Он помнил, как в Питере появились первые «Макдональдсы», и члены преступных группиро-

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Гера Фотич

Умереть в раю

Дизайн обложки	<i>Ю. Зверлин</i>
Оригинал-макет	<i>П. Домбровский</i>
Корректор	<i>Т. Брылева</i>
Литературный редактор	<i>А. Теркель</i>
Редактор	<i>А. Измайлов</i>

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Piterbooks.ru

Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Skifiabook.ru

Подписано в печать 20.06.2013
Формат 84x108^{1/32}. Объем 15,9 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2